

4 апреля 1980 г. «ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ».

К 60-летию со дня рождения
Юрия НАГИБИНА

Иван УХАНОВ

ДОБРЫЙ МАСТЕР

Сотрясаемое гажелыми взмахами метели, маленькое зданище нашей школы-семилетки скрипело и покряхтывало, будто напрягалось в усилии заслонить нас от свирепой непогоды. В голландке потрескивали дрова, но в классе было холодно. В белых валенках и в накинутах на плечи пуховом платке Мария Васильевна, наша учительница, стояла, прислонясь спиной к голландке, и читала вслух книгу.

Это вошло в добрую привычку — после уроков задерживаться в классе на час-полтора для чтения книг. Наша школьная библиотека в ту послевоенную пору была донельзя бедной, Мария Васильевна же приносила всегда свежие книги и читала их нам как в награду — в дни особо примерного нашего поведения на уроках и переменках.

В тот метельный день услышал я удивительный рассказ, который назывался «Зимний дуб». Мне показалось, что рассказ написан обо мне или, точнее сказать, про такого же до тошного и во вред себе любознательного мальчишку, каким Мария Васильевна считала меня. Сходство было налицо: как и Коля Савушкин, я при неплохой успеваемости частенько опаздывал на первый урок, поскольку мой маршрут в школу был, как и у Савушкина, чрезвычайно интересен и содержателен: шел основной ролей, пересекал пажище, речушку Каргалку, был помечен самобытными чертами живой природы, которая хранила многие мои мальчишеские тайны. Подобно учительнице в рассказе, Мария Васильевна тоже пошла однажды из школы моим путем и в дорожной беседе со мной многое поняла и простила мне.

Рассказ «Зимний дуб» покорила меня глубоким проникновением в мою жизнь, а его автор — Юрий Нагибин — стал, что называется, моим писателем. Я искал и жадно читал его рассказы о войне и о природе, о злодеех-браконьерах и отважных егерях Мещеры, о московских мальчишках с Чистых прудов и о мужественном аэронавте Умберто Нобиле. Жил я тогда в большой семье, только братьев у меня было шестеро, среди них — заядлые рыбаки, азартные охотники, спортсмены, землепашцы. И книги Нагибина волнующе накладывались на горячие интересы нашего семейного разновозрастного мужского общества.

Уже будучи взрослым молодым человеком, я посмотрел фильм «Председатель». От кого угодно в те годы можно было ждать такой писательской удачей в разработке темы деревни, но, казалось, только не от Юрия Нагибина. Столичный книжный мальчик, выросший на булыжнике и асфальте, как писал о себе Нагибин, автор, тяготеющий к лирико-бытовой новелле, как тогда писали о Нагине некоторые критики, вдруг выдал нагора такую грандиозную киноповесть о людях послевоенной деревни, с такой резкой правдивостью, драматизмом и глубиной показал целый пласт подлинно народной жизни, что многие ли-

тераторы, особенно «деревенщики», подивились, по-хорошему позавидовали нагибинской вещи, а некоторые даже как-то и не совсем поверили. Помню, раздавались толкования, что сценарий в кинодепе лишь повод для создания фильма, много-де зависит от режиссера и актеров и что, в частности, удача «Председателя» держится во многом на таланте Михаила Ульянова. В этих разговорах звучала попытка отказать Ю. Нагину, автору коротких повестей и рассказов, в показе широких полотен народной жизни, в масштабности и глубокой историчности мышления, указать новеллистическое место на литературных скрижалях. Я горячо боролся в споры, защищая писателя.

В центральной городской библиотеке нашел сценарий, прочитал его, сликая с фильмом. Сценарий был настолько силен сам по себе, собственной художественной душой и плотью, что исключал какую-либо режиссерскую отсебятину. Чуть позднее Михаил Ульянов в своей книге «Моя профессия» вспомнит об этом так:

«Вечером привезли сценарий. ...Прочел его и ночью не мог заснуть. Сценарий был написан Юрием Нагибиным, назывался «Трудный путь». Утром я прежде всего набрал номер телефона киногруппы и сообщил, что согласен на пробы... Пробы утвердили, и я получил грандиозную, интереснейшую роль. И счастлив был я и озабочен. Как поднять такую глыбину?.. Трубины народов в самом прекрасном смысле этого слова. Образ выписан Нагибиным великолепно. Это характер. Знает, надо играть характерно».

Шли годы. Я по-прежнему не пропускал ни одного фильма Юрия Нагибина, ни одной его публикации, открыто и широко гордился писателем как своим дорогим и радостным приобретением, издали, заочно продолжая любить его.

Весной 1968 года журнал «Наш современник» опубликовал повесть Ю. Нагибина «На кордоне». Ее главный герой Козырев, вконец раздавленный нестерпимой послеполночной тоской, душевно и физически неокрепший после страшной болезни, взваливает на себя, рискуя погибнуть, опасный труд выжить из горя несправедливо пострадавших людей. Каждая строка повести была согрета прекрасным, хотя и пораненным сердцем человека, привыкшего радости и страдания людские принимать как свои. За каждым словом и поступком героя отчетливо угадывался сам автор, у которого не было ни малейшего желания прятаться в облатки вымысла, испускать благовонный аромат выдумки: слишком личностно, терзающе документально было то, о чем он повествовал. Так мне казалось.

С тревогой и болью я вдруг почувствовал, что это не у Козырева, а у Нагибина «посели-

лась за ребрами беда» в виде нитинового инфаркта, что это не Козырев, а Нагину очень тяжело и плохо. В тот же день, узнав в справочнике адрес, написал Нагину письмо. Ответ пришел незамедлительно. Нагине не обмануло меня: да, Юрий Маркович в самом деле перенес инфаркт и тяжело, мучительно, но упорно выкарабкивался из беды. К моей радости, Нагибин сообщал, что от болезни он оправился, даже бегает на лыжах и много работает. Догадавшись по письму, что я человек пишущий, просил прислать какое-нибудь сочинение.

В то время я служил в редакции областной газеты развездным корреспондентом, а ночами и в выходные дни писал рассказы. В местных газетах их печатали, а в журналы пока не пускали, что подчас крепко удручало меня. К тому же коллеги по службе назойливо окуливали меня мимолетными советами «не лезть в писатели, выбить из головы дурь», маститые газетчики пренебрежительно делились горьким опытом: «Все мы переболели этой корью, не повторяй наших ошибок».

Разочарование в самом себе росло, теснило, звало жестко, со всей бескомпромиссностью уточнить реальный образ будоражащей мою жизнь силы: что она — неумоимо проклевывающаяся ростки дара или одержимость узкоколотого фанатизма? Отчаяния и сомнения однажды навалились так грузно, что я почти на год оттолкнул все литературные занятия, даря себе некоторый продох в своем беспросветном бдении за письменным столом и одновременно ненавидя себя за слабодушие.

И тут — письмо от Нагибина! Приглашение!..

Что же послать ему?.. С какой-то панической радостью бросился перебирать рукописи своих рассказов, но вскоре с горечью заключил: все это не то. Нагину нужно дать что-то настоящее, достойное...

Находясь в те дни в какой-то торжественной напряженности, ощущая необычайный подъем всех душевных сил, я сел и, как говорят, на одном дыхании написал большой рассказ. С трепетом и тягостным сомнением отправил его в Москву. В ответном письме Юрий Нагибин писал, что рассказ «Мама, не умирай...» очень понравился ему, а также редколлегия журнала «Наш современник» и незамедлительно сдан в набор.

Радости моей в тот день хватило бы на тысячу людей!

Между Нагибиным и мною завязалась замечательная, интереснейшая для меня переписка. Каждое письмо Юрия Марковича подстегивало, звало беречь время и не жалеть себя в литературном деле...

Вскоре у меня вышла первая книга, предисловие к ней написал Нагибин, а чуть погодя дал мне рекомендацию в Союз писателей. После трехлетней нашей переписки, во время которой крайне занятый писатель изумлял меня редчайшей пунктуаль-

ностью и обязательностью, мы наконец встретились в Москве. Юрий Маркович был добр, прост, великодушен, с первых же минут встречи разговор повел «на равных». Это был один из памятных дней моей жизни, о котором когда-нибудь я расскажу подробно.

Прошу, однако, простить меня за то, что злоупотребляю временем (то есть газетной площадью): статья о писателе-юбилере перевалила за половину, а я все пишу, кажется, не то, что пишется в подобных статьях. О главном еще не сказал — о его книгах. Это впереди, а пока желание мое скромнее: вспомнить сегодня о добре, принесенном в мою литературную судьбу Юрием Нагибиным. И не только в мою, но и в судьбу Виктора Астафьева, Георгия Семенова, Виктора Конечного, Юрия Казакова, Владимира Амлинского, Виктории Токаревой, Марка Наумова, Нины Сороткиной, Бориса Кравченко.

Не берусь с точностью назвать все имена ныне активно работающих литераторов, авторов многих книг и фильмов, кого своевременно обогрел вниманием и участием Юрий Нагибин, но и перечисленных достаточно, чтобы ощутить широту души Нагибина. А сколько раз он, проявляя кровную заботу о литературе, безоглядно бросался, что бы защитить и восстановить в правах забытого, осветить до стойким светом забытого!

«Нагибин удивительно тонко умеет заметить и привлечь к себе одаренного человека, умеет поддержать и, что особенно важно, всегда хочет поддержать... Я хотел попасть на семинары к Юрию Нагину. Почему? Ведь были там и другие хорошие писатели. Но Нагибин был не только хорошим, он был тогда именно «моим писателем», — признавался в «Литературной газете» известный прозаик Владимир Амлинский десять лет назад.

А в марте прошлого года почти такими же словами в той же «Литературке» выразил свою признательность Нагину участник VII Всесоюзного совещания молодых писателей новеллист из Карелии Борис Кравченко.

Мой писатель... Далеко не каждого, даже популярного литератора удостоивают подобной чести и почтения младшие собратья-профессионалы. И разве не сказал кто-то из великих, что плодотворен не тот писатель, который много написал, а тот, у кого есть ученики, есть потомство. Нагибиным создано немало книг, фильмов, и при оценке его творчества обычно отмечают талантливую работоспособность и высокий профессионализм его как прозаика и кинодраматурга, но почему-то оставляют в стороне то, что, пожалуй, ярче всего удостоверяет в Нагине большого, настоящего писателя, — его неутомимую, с огромными затратами сердца, бескорыстную, службу по выращиванию молодой литературной поросли.

Чему учил и учит молодых Нагибин? Любить людей беззаветно, но требовательно любовью, неустанно накапливать в них человеческое, горючиться делать для них добро. Именно эта сильная и яркая страсть человеколюбца, жадный аппетит к жизни объясняют неумное художническое «расточительство» Юрия Нагибина, многогранность его интересов, широту видения и притягивания жизни, которые и есть подлинная литература, чуждая какому бы то ни было ремесленничеству, как правило, замыкающемуся на одной теме: один неизменно пишет о войне, другой — о деревне, третий — о строителях.

Такая узкая специализация в творчестве для Нагибина тягостна, неприемлема, невыносима. Его не удовлетворяют изучение и изображение отдельных сегментов жизни, поскольку жизнь он любит во всей ее широте и полноте. Помимо повестей, рассказов и сценариев, Нагибин создает оригинальные очерковые портреты старого официанта московского ресторана и выдающегося японского кинорежиссера, скромного работника пожарной охраны и прославленного космонавта, советского спортсмена и австралийского писателя, с завидным знанием дела пишет о людях деревни и о столичных градостроителях, о нигерийских аборигенах и о гениальных ком-позиторах...

Этот огромный, расширяющийся с годами диапазон нагибинских пристрастий, интересов, любви к живой действительности, эта неистребимая жажда захватить в охапку мир во всей его полноте, со всеми запахами, красками, звуками и, одухотворив его своим сердцем, отдать, вернуть людям, эта неутоленная страсть к несправедливым маршрутам и путешествиям по родной земле, к межконтинентальным странствиям, не оставляющим на первый взгляд времени и места для кабинетного труда, — вся эта радость и плодотворность писательского подвижничества Нагибина, его гражданская активность увлекают нас, идущих следом за ним в литературу, заражают примером истинного служения людям, Родине.

Бойцовски яростен и благороден Нагибин в своих писательских заботах о том, чтобы на земле не оставалось неотомщенных надругательств над человеческой душой, чтобы ложь, клевета, убийства, насилия, пошлость, зубастый практицизм не отяжелели мировую совесть. Нагибинский герой идеал — это человек с душой сильной, тонкой и упругой, благородный и самодостаточный, всегда готовый уберечь другого от боли, помочь ему стать счастливым.

...Если недогадывать, не вынуть взвесь из кузнечного горна раскаленную добела поковку, то наступит ее пережог. И хотя пережженный металл может на что-то согнуться, однако лучшие свойства и качества в нем утрачены. Нечто похожее происходит иногда с молодым, начинающим автором. Не один год он напрягается, жжет себя огнем одержимого гнева, надежд, сомнений и неудач, доводит душу, как говорят, до белого каления и... если в эту пору отчаянного сверхпредела напряжения не встретит он ничей заинтересованности, серьезного внимания, поддержки, то в нем может случиться этот самый пережог, то бишь пережог. Никнет, замыкается душа, гаснут мечты, надежда, воля... Правда, большие таланты перемагают обычно любые пережуги, хотя затянувшаяся безысходность может подчас умертвить даже природный дар.

...Я находился в стадии высшего накала, грозившего пережогом, когда судьба одарила меня встречей с добрым и строгим мастером.

ОРЕНБУРГ